

СЕРЕБРЯНЫЙ ЗВУК ТРУБЫ

Ролан БЫКОВ

Александр Митта умеет восхищаться. Для него это естественная потребность, привычка, усвоенная еще в детстве, я бы даже сказал — это его способ жить. Александр Митта как бы беззащитен перед чувством восхищения, и именно это, как ни странно, составляет, пожалуй, самую сильную сторону его жизни.

Часто просто диву даешься, как это он ухитряется во всем находить предмет восхищения, как это он успевает ориентироваться во всем этом потоке ежедневной суеты, жадно поглощая на ходу новые книги, фильмы, интересных людей, простые радости, оброненные кем-то фразы, умные или, наоборот, глупые — всё равно: всё мгновенно обрабатывается для Александра Митты самой неожиданной и всегда интересной стороной, приводя его в неподдельное восхищение.

Он может, захлебываясь, рассказывать о праздниках абитуриентов в Болгарии, о замечательной болгарской архитектуре, об изумительной тесноте парижских переулков или о потрясающей дороговизне венецианского пляжа; он может с восторгом говорить, в какое удивительное и глупейшее положение попал он сам час тому назад и как не смог найти из него выхода; он может часами рассказывать, как Никита Михалков играет плохой текст в новом фильме таким образом, что у него бедность слов оборачивается богатством характера: «Представляешь?! Все время такое ощущение, что он готов сказать и гораздо умней, и гораздо сильнее, но по какой-то душевной деликатности, как бы стесняясь говорить красивее, чем положено, он произносит эти слова! Потрясающий парень!» И он уже восхищается и Михалковым, и новой

актерской школой, которая подминает под себя старую драматургию, и тем, что это оказалось именно так, а не иначе, и тем, что из этого можно сделать прием и так далее и тому подобное. Митта может ворваться к вам и, озаренный неподдельной радостью, кричать что есть мочи: «Товарищи! Слушайте! Я сегодня видел потрясающего дурака! Настоящего дурака, живого! Законченного, классического, дурака на уровне мирового шедевра!».

Своим восхищением Саша делится щедро, тормоша всех вокруг и испытывая особое удовольствие, если ему удастся быть вестником нового хорошего фильма, новой книги, нового актера или просто интересного события. И восхищение для него — это его горячее, импульс, заряд активности, внутренней мобилизации, которая заставляет его функционировать беспрестанно и непосредственно, плотно заполняя каждый час, каждую минуту.

Александр Митта занят беспрерывно — он пишет: пишет повести, рассказы, сценарии, юморески, он активно выступает как журналист, ставит фильмы, недавно попробовал себя как актера в картине Марлена Хуциева «Июльский дождь», и он непрерывно рисует. Рисует он давно, его карикатуры печатались, когда он был еще студентом ВГИКа, у него даже свой почерк, своя графическая линия, округлая и неожиданная, всерьез и даже про-

фессионально отработанная, активная и тоже исполненная какой-то непосредственной, радостной иронии. Фигуры его рисунков и причудливы и просты, фантастичны и в то же время реальны, в них все темпераментно и преувеличено. Смешные женские фигурки, пышные самым определенным образом, не теряют своей женственности и обаяния, смешные мужские фигурки полны самой крайней, самой бешеной энергией. И как только Александр Митта из состояния движения переходит в состояние покоя, по бесчисленным листам бумаги, по альбому и блокам начинают мчаться эти его нескончаемые фигурки, становясь естественным продолжением самого Митты, держащего себя в непрерывном напряжении.

Умение восхищаться — это для Митты не только неиссякаемый источник энергии, это и счастливое умение непрерывно учиться, выбирать себе учителей. Все, что ему нравится или только что понравилось, свободно и естественно, органично и просто становится его собственным достоянием, превращаясь в что-то личное свое, «миттовское».

Умение восхищаться — это признак таланта, это чрезвычайно важная черта для художника и в самом прямом и главном — в его творчестве. Это залог творческого и идейного здоровья, залог свободы от самого лютого врага художника: доморощенного скепсиса,

заменяющего часто активное и принципиальное отношение к жизни.

И «Друг мой, Колька!», и «Звонят, откройте дверь!» — это фильмы, в которых прежде всего звучит пафос утверждения. Вещи и явления, которые не вызывают активного восхищения, оказываются у Митты в кругу прочной изоляции и отрицания. В этом смысле Митта устроен очень своеобразно, его нетерпимость выражается прежде всего в откровенном и отчужденном равнодушии. Это не то равнодушие, которым, как молью, побит современный обыватель, а то самое подлинное отсутствие интереса к фальшивому, ненастоящему, отвлеченному, который так свойственен молодости.

Можно сказать, что всему, что Александру Митте не интересно, враждебно или не симпатично, «он не подает руки». Это очень похоже на жесткость и даже жестокость детской непосредственности. У детей — это здоровая реакция на фальшь, еще не тронутая воспитанной с годами компромиссностью. У Александра Митты — это совершенно определенная и совершенно бескомпромиссная позиция в жизни. И человек, которым со студенческих лет А. Митта не перестает восхищаться, его педагог, замечательный Михаил Ильич Ромм, и драматурги Александр Хмелик и Александр Володин, сценарии которых посчастливилось ставить молодому режиссеру, — это та среда, в которой гражданская позиция Александра

Митты не могла сложиться иной. Умение восхищаться для молодого режиссера стало основой позиции художника — позиции, в которой предмет восхищения не только цель или общая ориентация, а, и это самое главное, исходная позиция в определении своего отношения к жизни.

С позиций восхищения, с позиций высоких и совершенно определенных сделаны фильмы «Друг мой, Колька» и «Звонят, откройте дверь», с позиций восхищения давался отпор равнодушию, с позиций восхищения был найден режиссером серебряный звук трубы, пластический и реально ощутимый образ святой верности призыву пионерского горна.

И нельзя не радоваться успехам молодого режиссера, нельзя не гордиться тем, что именно эта позиция была оценена на Венецианском фестивале детских фильмов присуждением гран при фестиваля — Золотого льва, присуждением бронзовой медали «Мосфильма» и, наконец, присуждением премии Московского комсомола.

Умение восхищаться — это, разумеется, счастье для человека, но, поверьте, что это и беспокойно, это и хлопотно, это подчас мучительно. Это уже миссия, а не безоблачное небо, это же не просто восхититься — это увлечь своим восхищением, отстоять его, превратить в повседневное дело, в будни, в беспощадный труд кинематографиста.

Московский комсомолец 1967, июль